

А. Г. Глебов*

**КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР У АНГЛОСАКСОВ
И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ
в VII – начале IX в.**

ЯВЛЯЯСЬ ЦЕНТРОМ складывающейся государственной администрации, англосаксонский король VII–VIII вв. располагал для целей управления двумя основными учреждениями. Первым из них был его собственный двор, в котором сосредоточивались все отрасли управления; вторым – представители светской и духовной знати, периодически собиравшиеся на свои советы (уитенагемоты). При этом предполагалось, что королевский двор, прежде всего, занимался повседневной управленческой рутинной, в то время как собрание уитанов играло главную роль при решении более важных вопросов и в определении правительственной политики¹.

Следует заметить, что у исследователей нет единства в установлении сроков преобразования королевского двора у англосаксов в орган управления. Так, М. Динсли называет конец VI – начало VII в.², Б. Лайон – X – начало XI в.³, а Л. Ларсон и С. Чраймс относят завершение этого процесса уже к ранней англо-нормандской эпохе⁴. Сознвая некоторую условность любой конкретной датировки процесса функционального расширения полномочий лиц, окружающих короля и его семью, и имея в виду практическое отсутствие информации о структуре политической власти и управления на самом раннем этапе образования государства у англосаксов, можно, тем не менее, высказать определенные предположения относительно механизма и закономерностей превращения королевского окружения во властный институт.

Эти механизмы и закономерности тесно связаны с постепенным усилением власти короля-военного вождя, когда она проходит определенную эволюцию в рамках перерождения так называемой «военной демократии» в военно-иерархическую структуру, а затем в вождество. С типологической точки зрения, именно на стадии вождества основная масса населения отстраняется от непосредственного управления и ближайшее окружение вождя – теперь уже короля – превращается в привилегированную прослойку и, одновременно, формирует первичный аппарат государства⁵. В связи с этим, по всей вероятности, уже с момента появления англосаксов на территории Британии у их конунгов существовал

---

* Глебов Андрей Германович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета.

¹ См.: *Deanesley M.* The court of king Aethelbert of Kent // *The Cambridge historical journal*. 1942. Vol.7. N 2. P.101–114; *Larson L. M.* The king's household in England before the Norman conquest // *Bulletin of the Univ. of Wisconsin*. 1902. Vol. 100. P. 65–169; *Idem.* The king's household in England before the Norman conquest. Madison, 1904.

² *Deanesley M.* Op.cit.

³ *Lyon B.* A constitutional and legal history of medieval England. 2-nd ed. N.Y., 1980. P. 54.

⁴ См.: *Куббель Л. Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства // *История первобытного общества: эпоха классового образования*. М., 1988. С.230–235; *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М., 1995. С. 11–19.

⁵ См.: *Мельникова Е. А.* Меч и лира. М., 1987. С. 90 сл.

хотя бы некий зачаток королевского двора. К концу VI в. англосаксонское общество подошло к этапу трансформации вождей-чифдомов в ранние государственные образования. Если на континенте народное собрание, несомненно, являлось главным органом власти, то теперь, с созданием более или менее стабильных территориальных объединений, оно как съезд всех полноправных мужчин племени стало невозможным и должно было утратить свое значение. Его права и функции неизбежно переходят отчасти к королю, а, отчасти, к собранию уитанов.

Происходят определенные изменения и в характере непосредственного королевского окружения, т.е., дружине. Наиболее подробные сведения об англосаксонской дружине периода военной экспансии дает героический эпос, в частности, поэма «Беовульф», хотя и она способна пролить свет не столько на социально-политические стороны изучаемого явления, сколько на его социо-психологические и ментальные аспекты. Описание датского королевского двора в Хеороте – наиболее полное изображение идеального дружинного сообщества в англосаксонской поэзии⁶, а сам Хеорот является вещественным, материальным воплощением и олицетворением дружинного мира. Его создание может быть сопоставлено с актом творения мира – не случайно первым в нем были исполнены песни о сотворении земли. Завершение Хеорота знаменует установление социального порядка и гармонии⁷. Это указывает на совершенно особую роль, которую играет Хеорот в представлениях англосаксов и соответственно в дружинном мире поэмы. Гибель Хеорота, предсказываемая рассказчиком-скопом, – это одновременно и гибель датского общества, уничтожение порядка и гармонии, в первую очередь выполнения взаимного долга короля и его дружинников. Собственно, и гибель Хеорота есть результат нарушения традиционных дружинных норм⁸.

Благополучие общества, с точки зрения составителя поэмы, полностью зависит от соблюдения освященных многовековой практикой норм поведения, подobaющих королю, с одной стороны, и его воинам, с другой. Король должен быть могуществен, щедр, мудр (последнее понимается именно как соблюдение традиционных норм поведения). Воин – предан королю, отважен в битве.

Центром и средоточием этого общества является король – идеальный правитель своего народа. В «Беовульфе» он встречается уже в первой части поэмы: это образ Хродгара, «старого и седовласого» короля данов, в котором воплощаются представления о социальном порядке и благополучии. Одна из основных его функций – распределение богатств, раздача сокровищ. Именно поэтому столько внимания в поэме уделяется щедрости Хродгара и других правителей. Она является залогом справедливого, «правильного» распределения ценностей. Поэтому и Хеорот в первую очередь изображается как место раздачи сокровищ:

Он же задумал...
хоромы строить...
там разделял бы он
со старыми, с юными
все, чем богат был
по милости Божьей, –
только земля неделима⁹
и войско одно⁹.

⁶ Beowulf. Paderborn, 1958. Т. 1. II. 67–73. Далее цитируется по данному изданию с указанием номеров строк.

⁷ См.: Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 92.

⁸ Beow. II. 67–73.

⁹ Ibid. II. 2863–2872.

Там золотые
дарил он кольца
всем пирующим¹⁰.

Вторая функция правителя – защита своего племени, своей дружины от возможного урона. О важности этой функции свидетельствует большое количество эпитетов, выражающих идею защиты, покровительства: *leod gebyrgea* («защитник народа»)¹¹, *helm* («защитник, шлем»)¹², *eodor* («охранитель»)¹³, *wigendra hleo* («хранитель воинов»)¹⁴, *folces hyrde* («пастырь народа»)¹⁵, *eorla hleo* («хранитель эрлов»)¹⁶ – по отношению к Хродгару; *ethelweard* («хранитель племени»)¹⁷, *folces weard* («страж народа»)¹⁸, *eorla hleo* («хранитель эрлов»)¹⁹, *wigendra hleo* («хранитель воинов»)²⁰ – по отношению к Беовульф.

И еще одно качество правителя регулярно отмечается в поэме – его мудрость, которая понимается, однако, не как чисто интеллектуальное качество, а как практическое следование существующим этическим нормам, неукоснительное выполнение того, что должно. Мудр тот король, который соответствует героическому идеалу, этикетному образу²¹.

Выполнение взаимных обязанностей создает в обществе мир и гармонию, которые царят в Хеороте до нападений чудовища Гренделя и после победы Беовульфа над ним:

Конунгу предан
каждый наш ратник,
верен другу
и кроток духом;
старейшины дружны;
слуги покорны;
хмельные воины
мне повинуются!²²

Долг по отношению друг к другу – это те узы, которые связывают дружинное сообщество воедино, это основа основ его благополучия и жизнеспособности²³.

С другой стороны, в эпоху VI–VIII вв. формируется новая система социальных связей, что и обуславливает взаимные обязательства короля и его дружины. Обязанности короля по отношению к дружинникам достаточно однозначны и с наибольшей полнотой выписаны в «Беовульфе». Сложнее с отношением дружинников к королю. Декларируемым идеалом поэмы является Виглаф, однако

¹⁰ Beow. ll. 80–81.

¹¹ Ibid. ll. 239.

¹² Ibid. ll. 371, 456.

¹³ Ibid. ll. 428, 663.

¹⁴ Ibid. ll. 429.

¹⁵ Ibid. ll. 610.

¹⁶ Ibid. ll. 1035.

¹⁷ Ibid. ll. 2210.

¹⁸ Ibid. ll. 2513.

¹⁹ Ibid. ll. 791.

²⁰ Ibid. ll. 1972, 2337.

²¹ См.: Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 93.

²² Beow. ll. 1228–1231.

²³ См.: Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 94.

отклонения от этого идеала образуют чуть ли не правило. Очевидно, определяющим для англосаксов в это время все еще остаются родственные связи: Беовульф верен своему сюзерену Хигелаку, который одновременно является его дядей. Он помогает сыну Хигелака и заботится о нем, как подобает родичу. Хродульф осуждается в наибольшей степени за то, что в борьбе за датский трон убивает своего родича, сына Хродгара. Да и Виглаф, как оказывается, связан с Беовульфом узами хоть и отдаленного, но родства²⁴.

Долг верности – плата за милости, которыми одаривает король своего дружинника. Именно так понимает Виглаф свой долг, произнося речь, обличающую «малую дружину» Беовульфа в пренебрежении своим долгом:

...Правдоречивый
сказал бы: воистину
вождь, наделивший
вас, нестоящих,
кольцами золота,
ратными сбруями...
зря отличил он
мечами острыми
вас, дрожащих
при виде недруга.
Не мог он похвастаться
вашей помощью...

Распад дружинного сообщества может быть вызван лишь одной причиной – несоблюдением принятых норм поведения, «нелояльностью» одной из сторон. И тогда дружина разрушается, утрачиваются связи между отдельными ее членами, с одной стороны, и между дружиной и ее предводителем, с другой.

Соперничество описанной в «Беовульфе», или подобной ей дружины (по сути дела, новой военной аристократии) со старой родовой знатью и традиционными структурами управления в условиях жестких военных столкновений с местным населением не только содействовало, как представляется, укреплению власти первых англосаксонских королей, но и привело к началу частичного слияния новой военной и старой родоплеменной знати в рамках формирующегося королевского двора и образованию слоя служилой знати.

В интересующий нас период англосаксонский королевский двор, по-видимому, не слишком сильно отличался от окружения датских и геатских конунгов, описанных героической поэзией, как своим составом, так и социальным поведением. Главным достоинством членов *comitatus*²⁵ а по-прежнему оставалась верность (вплоть до самопожертвования) своему предводителю-королю, от которого, в свою очередь, они ожидали наград в виде части военной добычи и достойного их лояльности содержания. Во всяком случае, именно такие отношения внутри нортумбрийского двора в середине VII в. рисует в своей «Церковной истории» Беда Почтенный, рассказывая о жизни короля Освина (644–651)²⁵. Сходные описания мы находим в «Англосаксонской хронике» под 786 г. (история убийства короля Уэссекса Кюневульфа)²⁶ и в некоторых образцах героической

²⁴ Beow. ll. 124–126, 468–476, 1154–1155.

²⁵ Beda Venerabilis. Historia. III, 14.

²⁶ The Anglo-Saxon Chronicle., a.786. P.166. Подробнее об эпизоде см.: White S. D. Kinship and lordship in early medieval England: The story of Sigebert, Cynewulf and Cyneheard // Viator. 1989. Vol. 20. P.1–18.

поэзии, относящихся к концу англосаксонской эпохи («Битва при Мэлдоне»)²⁷. Все это говорит о том, что англосаксонский королевский двор очень долгое время продолжал сохранять дружинные черты воинского сообщества, сплоченного отношениями личной верности и долга²⁸.

С другой стороны, совершенно очевидно, что в течение VI–VIII вв. королевский двор у англосаксов не оставался неизменным. Как только королевская власть уже достаточно институализировалась, дружинники (первичный королевский двор-свита) начали помогать королю осуществлять его властные полномочия, исполняя административные поручения своего господина, давая ему советы, участвуя в его военных предприятиях. В дружине-свите происходит внутренняя иерархизация, отмеченная еще Тацитом²⁹: выделяются более близкие, удачливые и обласканные королем воины, получающие земельные пожалования для кормления и составляющие тайный совет короля³⁰, которые и образуют ядро складывающегося двора конунга. Наделяя их землей, англосаксонский король тем самым как бы распространял свой двор на различные регионы своего королевства, усиливая контроль на местах и упрочивая позиции тех социальных групп, на которые он мог бы опираться при проведении своей политики. Ряд дружинников, несомненно, постоянно находился при короле, выполняя функции его телохранителей и ближайших слуг, министерялов. При этом в рассматриваемое время королевский двор еще не представлял собою замкнутой касты: существовавшая на стадии раннеклассового общества социальная мобильность все еще позволяла пополнить его не только за счет представителей родовой знати, но и свободных общинников и даже зависимых людей³¹. Более того, известны случаи, когда придворные слуги могли породниться даже с королевской семьей³². Об их непосредственном участии в управлении говорит тот факт, что они часто скрепляют в качестве свидетелей различные юридические акты короля³³.

Говоря о становлении королевского двора как органа государственного управления, следует обратить внимание еще на одну его особенность в раннюю англосаксонскую эпоху. Короли этого времени проводили большую часть своей жизни в разъездах по подвластной им территории, собирая дань, отправляя суд и участвуя в собраниях местной знати. Вместе с королем, естественно, передвигалось и его ближайшее окружение, составлявшее его двор³⁴. Сказанное не означает, что короли не имели своих более или менее постоянных резиденций, куда они многократно и регулярно возвращались. Такой резиденцией для королей Нортумбрии, к примеру, уже в середине VI в. был Бамбург на северо-восточном по-

²⁷ Битва при Мэлдоне // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 137 сл.

²⁸ Подробнее см.: Evans S. The lords of battle: image and reality of the *comitatus* in Dark-Age Britain. Woodbridge; Rochester, 1997.

²⁹ Tacit. Germ. 13.

³⁰ Ср. *run-wita* и *raed-bora* «Беовульфа». См.: Beow. II. 1325–1326.

³¹ См.: Глебов А. Г., Сурков А. И. Эрлы, гезиты, тэны: к вопросу о формировании служилой знати у англосаксов в VII–IX вв. // Средневековая Европа: история и историография. Воронеж, 1997. Вып. 1. С. 22–33.

³² Пример тому – брак отца Альфреда Великого, уэссекского короля Этельвульфа (839–855 гг.) с Осбурх, дочерью его виночерпия Ослака. См.: Ассер. Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М. М. История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Изд. 4-е. Пг., 1915. Т. 2. С. 307.

³³ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 91–93.

³⁴ См. описания таких объездов короля Эдуарда Старшего, относящиеся, правда, к началу X в.: The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative ed. Cambridge, 1986. Vol. 3. Ms A. a.912, 914, 916, 917, 920 a.o. P. 193–199.

бережье нынешней Шотландии, а для королей Уэссекса – Винчестер, Дорчестер и Саутгемптон³⁵.

Кроме того, подобно почти всем королевским дворам раннесредневековой Европы, англосаксонский королевский двор выросал, как продолжение личного хозяйства короля³⁶. С самого начала короли, несомненно, нуждались в людях, следивших за их оружием и одеждой, прислуживавших на пирах и ездивших с поручениями; после принятия христианства появляются королевские духовники и хранители почитаемых реликвий. По всей вероятности, с самого раннего времени при королевском дворе хранилась казна, а значит, должны были существовать и ответственные за нее лица. Источники королевских доходов в период VI–VIII вв. уже были весьма разнообразны. Наиболее важным их элементом была неоднократно упоминавшаяся фирма (*feorm*), первоначально представлявшая собой натуральные поставки, которые, однако, уже очень рано могли заменяться денежным эквивалентом. В дополнение короли получали дань от подвластных правителей, судебные штрафы, таможенные пошлины и пошлины от торговли, а также доходы с собственных земель. Многие англосаксонские короли этого времени были людьми весьма состоятельными, тем более, что никакого различия между личными королевскими и государственными финансами, видимо, еще не существовало³⁷.

Таким образом, происхождение королевского двора как властного института и важнейшего элемента центральной администрации в формирующейся англосаксонской государственности было тесно связано с характером развивающейся королевской власти, выросшей из власти военного предводителя. Первоначально ближайшее окружение такого вождя – дружина, имела военизированный характер и была спаяна узами личной преданности, взаимовыручки и долга. Постепенно (когда именно, на наш взгляд, однозначно определить нельзя) дружина трансформируется в королевский двор, т.е. происходит внутреннее распределение функций (специализация): от утилитарных (прислуга) до административно-управленческих (собственно придворные). Большого, к сожалению, в силу состояния источников сказать невозможно, и конкретная организация и реальные функции королевского двора в англосаксонских государствах до правления Альфреда Великого (871–899) не могут быть восстановлены даже гипотетически.

³⁵ Arnold C. J. An archaeology of the early Anglo-Saxon Kingdoms. 2-nd ed. L.; N.Y., 1977. P. 211–229; Kirby D. P. The making of early England. L., 1967. P. 169.

³⁶ См., напр., характеристику двора ранних Меровингов: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 37; Лебек С. Происхождение франков. IV–IX вв. М., 1993. С. 171–172.

³⁷ Kirby D. P. The earliest English kings... P. 124 ff.